

ПРИ имени режиссера Петра ТОДОРОВСКОГО сразу всплывают в памяти "Весна на Заречной улице", "Военно-полевой роман", "Любимая женщина механика Гаврилова", "Интердевочка".

Вышли мы все из цензуры

- МЕНЯ ругали все время. Сергей Герасимов навалился на пленуме за "Городской романс". Картину по повести Федора Абрамова на телевидении порезали беспощадно, обвинили в "мелкотемье". Она долго лежала, потом как-то ее показали два-три раза, и все. По "Военно-полевому роману" дали 19 поправок. Особенно меня насмешила первая: "Убрать все коммуналки"... Знаете, как у нас было? Если положили твой фильм на "полку", то ты - герой. Особенно во время перестройки, когда эти фильмы стали снимать с "полки". Многие тогда в героях ходили. А я потихоньку все время снимал. За что меня клевала критика. Про "Анкор..." критик Майя Туровская написала, что "это типичный соцреализм с половыми органами". Я ее как-то встретил и сказал: "А ты всю жизнь защищала соцреализм... без яиц".

У меня нет иллюзий: мои картины - разные по овню. Но я не боюсь потерять имидж, как некоторые режиссеры, которые по десять лет ничего не снимают, - вдруг следующий фильм будет хуже. Я тоже иногда об этом думаю, но вообще-то вреда не наношу особого (*смеется*). Не могут же все быть такими гениями, кто-то должен снимать кино. Главное - сохранить себя, свою интонацию.

- Ну, наверное, многие режиссеры об этом мечтали, но не многим, как вам, удалось...

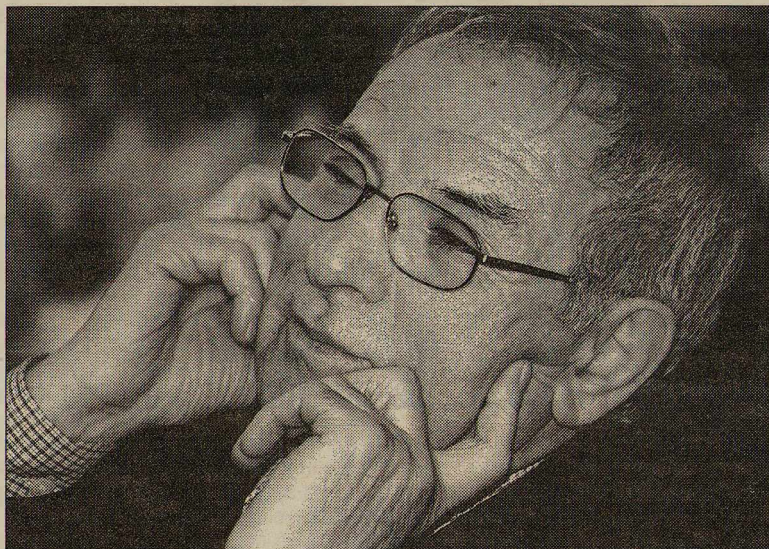
- ...проскочить? Я писал и никогда не задумывался: пройдет - не пройдет. Честно. Я вообще человек интуитивного склада. У меня аналитический ум очень слабый (*смеется*). Нет, серьезно. Никогда не занимался конъюнктурой, меня никогда такая мысль не посещала.

- Но начальство-то должна была посещать?

- На студии всегда была одна или две картины, которые им требовались и прикрывали эту амбразуру, а мне давали возможность делать то, что я хотел. Хотя в картине "Верность" и были элементы конъюнктуры.

Политуправление поставило условие: снять эпизод присяги, иначе картина не выйдет. Я выкручивался, как мог, и придумал такую присягу - спят курсанты и во сне слышат голоса октябрят: "Мы хотим, чтобы не было бедных и богатых". Потом какие-то пионерские кусочки, потом уже солдаты бегут куда-то и звучит текст присяги. Вот за этот эпизод меня на фестивале в Венеции и распушила западная пресса - пропаганда армии, пятое, десятое, а в целом картину очень

Как Тодоровский сам себя резал

хвалили. Критики смотрели фильмы утром, и к конкурсному вечернему показу газеты выходили уже с рецензиями. И за два часа до конкурсного показа критик Новогрудский мне говорит: "Слушай, Петя, а нельзя этот эпизод как-нибудь вырезать?" Я говорю: "Очень легко. Там по звуку ничего не меняется". Поднялся к киномеханику, взял ножницы и вырезал этот эпизод. И во время просмотра все недоумевали: за какой эпизод ругала меня критика? На следующий день прилетел со своей картиной "Мне двадцать лет" Марлен Хуциев, я ему все рассказал. Тогда он тоже взял фильм, две бутылки водки, поднялся с переводчицей к киномеханику и вырезал почти все поправки, которые давал Хрущев. Потом мы собрали обрезки пленки и потихоньку выбросили в канал, чтобы никто не видел. В результате мы оба получили призы Венецианского фестиваля. Это был мой самый конъюнктурный фильм.

Еще раз про любовь

- КОГДА-ТО, отвечая на вопросы разгневанных телезрителей, зачем разрешили снимать фильм про проститутку, председатель Госкино Армен Медведов

ответил: "Не волнуйтесь, снимать будет Тодоровский, а про что бы он ни снимал, это все равно будет фильм про любовь".

- Я на войне видел очень много трагических и кровавых эпизодов, огромное количество бессмысленных жертв. На моих глазах погиб мой друг. Но спустя много лет всплывают почему-то светлые воспоминания. Это была жизнь. Была любовь, страсть. Юмор. Люди оставались людьми. И первые фильмы у меня действительно были светлые. Теперь я бы не смог сделать такую нежную картину, как "Военно-полевой роман". Что-то во мне изменилось. Масса разочарований. В людях, друзьях.

- А я-то как раз думала, что именно друзья поддерживали вас...

- Только на заре туманной юности. Пятнадцать пятый год. Начало "оттепели". На Одесской студии собралась замечательная компания - Марлен Хуциев, с которым я снимал "Весну на Заречной улице", Гриша Поженян, приезжал Саша Володин, Булат Окуджава, Коля Рыбников, Юра Белов... Жили все вместе в общежитии, жили бедно, двери были распахнуты, ходили друг к другу в гости, показывали отснятый материал. Это длилось недолго. До первого снятого фильма. "Весна на Заречной улице" взлетела. Остальные картины оказались не столь успешны. И все. Двери закрылись. А потом - Москва, которая вообще очень разъединяет людей. От дружбы остались только встречи с поцелуями в Доме кино. Единственным моим "пожизненным" другом был Зяма Гердт, хотя и с Сашей Володиным, и с Булатом у меня были искренние, хорошие отношения.

Я всегда был легкий, веселый, беззаботный. Все сложности отскакивали, как от батута. Правда, сейчас работаю уже на остатках оптимизма. Но жаловаться на жизнь - последнее дело. Мы с Марленом придумали такую историю. После водородной катастрофы прошло много тысячелетий, на Земле появляются первые живые существа и ползут навстречу друг другу. Одно пошевелило усиками и спрашивает: "Марлен?" Второе кричит: "Тодоровский!"

Марина НЕВЗОРОВА
Фото Сергея ИВАНОВА

Армен Медведов и Гриша Поженян - 1988 - 1991 - 1992 - 1993 - 1994 - 1995 - 1996 - 1997 - 1998 - 1999 - 2000 - 2001 - 2002 - 2003 - 2004 - 2005 - 2006 - 2007 - 2008 - 2009 - 2010 - 2011 - 2012 - 2013 - 2014 - 2015 - 2016 - 2017 - 2018 - 2019 - 2020 - 2021

Тодоровский Петр

02.02.